

КАКИМ БЫТЬ МУЗЕЮ В ДАРОВОМ

Вряд ли где-нибудь найдутся такие два музея, которые были бы органически и исторически связаны между собой, как Музей Ф. М. Достоевского в Москве и Музей-усадьба Ф. М. Достоевского в д. Даровое Зарайского района Московской области. Связывает их не только имя великого писателя, но и тяжелая семейная драма, ставшая причиной переезда осиротевшей и разделившейся после смерти М. Ф. Достоевской семьи из Москвы на постоянное жительство в имение Даровое в 1837 году. Через два года – летом 1839 года – дети остаются без отца, и над имением устанавливается опека. В 1852 году его выкупает сестра писателя Вера Михайловна Иванова, а после нее в 1896 году дом переходит к ее дочери – М. А. Ивановой. После смерти последней в 1926 году дом оказывается в распоряжении колхоза. Впоследствии его используют как библиотеку. В настоящее время усадьба является филиалом музея «Зарайский кремль».

Настало время воссоздать исторический облик усадьбы, включая не только ее ландшафтные особенности, но и внешний и внутренний облик жилых строений, которые занимала семья Достоевских во время летнего пребывания. Для решения этой непростой задачи чрезвычайно важно сформировать правильный научный подход, учитывающий то обстоятельство, что имение несколько раз меняло своих владельцев, каждый из которых привнес что-то свое, а что-то изменил или убрал. К счастью, от семейства Хмыровых (потомков В. М. Ивановой) сохранились архивные фотоматериалы, которые могут служить весомым аргументом для обоснования научной версии первоначального облика усадьбы. Но без глубокой ретроспективы событий, позволяющих заглянуть в далекое прошлое, нам не обойтись. И тут неоценимую помощь нам окажет

книга брата писателя А. М. Достоевского «Воспоминания». Она является главным и наиболее непогрешимым свидетельством жизни семьи, начинавшейся в московской квартире на Божедомке, и после печально известных событий переместившейся в усадьбу Даровое. Благодаря этой книге, подробному описанию обстановки дома Достоевских стало возможно представить его атмосферу и лучше понять условия, в которых рос и формировался будущий писатель. Нам кажется правомерным надеяться, что и в наших поисках Андрей Михайлович укажет нам правильное направление. И хотя очень многие знакомы с этой книгой, постараемся высветить в ней именно те факты, которые интересуют нас в первую очередь как документальные свидетельства жизни усадьбы, ее взлетов и падений, переломных моментов ее истории, судеб ее обитателей, наконец, ее исторического облика.

Итак, в начале 20-х годов позапрошлого столетия молодая семья Достоевских с сыновьями Михаилом (1820 г. р.) и Федором (1821 г. р.) заняла казенную квартиру в левом флигеле Московской Мариинской больницы для бедных на Божедомке, где служил лекарем отец семейства – Михаил Андреевич. Здесь появляются на свет Варвара (1822 г. р.), Андрей (1825 г. р.), Вера (1829 г. р.) и Николай (1831 г. р.). За 15 лет службы М. А. Достоевский получает звание потомственного русского дворянина и намеревается приобрести имение, дабы создать надежные экономические гарантии для благополучного будущего подрастающих детей. Летом 1831 года он приводит свое намерение в исполнение: покупает небольшое имение в 150 километрах от Москвы и недалеко от города Зарайска. Через год прикупает и соседнюю деревню Чермашню и становится владельцем 100 душ мужского пола и свыше 500 десятин земли в придачу.

Начиная с весны 1832 года Мария Федоровна Достоевская с детьми уезжает в Даровое на все лето и остается там до поздней осени. На хрупкие плечи 30-летней женщины ложится нелегкая ноша: подготовка семян к севу, посевные работы, сбор урожая, закладка его на зиму, обеспечение кормами скота, благоустройство имения, забота о насущных нуждах крестьян, разрешение всевозможных неурядиц. И это далеко не все. Но зато для детей по приезду в деревню наступает райская жизнь. Милым деревенским раем представляется усадьба и по описанию Андрея Михайловича Достоевского, который с присущей ему, как гражданскому инженеру, тщательностью, весьма подробно рассказал не только об архитектурных, но и ландшафтных ее составляющих, не забывая указать и на изменения, случившиеся в ней вследствие как хозяйственной необходимости (когда нужно было выкопать пруд), так и вследствие непредвиденных катаклизмов (восстановление усадьбы после пожара). Вот как описывает он усадьбу в своей книге. «Местность в нашей деревне была очень приятная и живописная. Маленький плетневый, связанный глиною на манер южных построек, флигелек для нашего приезда состоял из трех небольших комнаток и был расположен в липовой роще, довольно большой и тенистой. Роща эта через небольшое поле примыкала к березовому леску, очень густому и с довольно мрачною и дикою местностью, изрытою оврагами. Лесок этот назывался Брыково. С другой стороны помянутого поля был расположен большой фруктовый сад десятинах на пяти. Вход в этот сад был тоже из липовой рощи. Сад был кругом огорожен глубоким рвом, по насыпям которого густо были посажены кусты крыжовника. Задняя часть этого сада примыкала тоже к березовому лесочку Брыково. Эти три местности: липовая роща, сад и Брыково были самым ближайшими местами к нашему домику, а потому и составляли место нашего постоянного пребывания и гулянья. Около помянутого выше нашего домика, который был крыт соломою, были расположены два кургана

или две небольшие насыпи, на которых росло по четыре столетних липы, так что курганы эти, защищенные каждый четырьмя вековыми липами, были лучше всяких беседок и служили нам во все лето столовыми, где мы постоянно обедали и пили утренний и вечерний чай. Лесок Брыково с самого начала очень полюбился брату Феде, так что впоследствии в семействе нашем он назывался Фединой рощею... Позади фруктового сада и лесочка Брыково находилась громадная ложбина, простирающаяся вдаль на несколько верст. Эта ложбина представляла собою как будто ложе бывшей когда-то здесь реки. В ложбине этой находились и ключи. Это обстоятельство подало повод вырыть в этой ложбине пруд, которого в деревне не имелось. В первое же лето маменька распорядилась вырыть довольно большого пруда и запрудить его близ проезжей усадебной улицы... ..Крестьяне были очень довольны этим, потому что прежний затруднительный водопой скота очень этим упростился. ...В последующие годы в пруду этом была устроена купальня, и мы летом ежедневно по три, по четыре раза купались. Одним словом, летние пребывания наши в деревне были очень гигиеничны для нас, детей; мы, как дети природы, жили все время на воздухе и в воде».

Не правда ли, более подробного и образного описания облика усадьбы и атмосферы, в которой жили дети, трудно и представить. Надо заметить, что вообще русские дворянские усадьбы окружал ореол душевного и физического благоденствия, устойчивого быта и безопасности в самом широком смысле слова. Эти преимущества на фоне городской жизни выделялись, конечно, в розовом свете. Это одна из главных причин, почему дворянство видело в усадьбе надежное убежище от всевозможных превратностей жизни в городе. Семья Достоевских не стала исключением. И эта особенность усадебной жизни очень важна для нас, если говорить о реконструкции ее облика не только по букве, т.е. в точном соответствии с описанием, но и по духу.

Итак, запомним, что в первое лето своего

пребывания в Даровом – лето 1832 года – Мария Федоровна Достоевская дополнила образ усадьбы (в силу хозяйственной необходимости) прекрасным прудом, в который к тому же были выпущены живые маленькие карасики, ставшие поводом к увлечению детей рыбной ловлей. Пруд этот сохранился и доныне и служит живописным украшением панорамы Дарового.

Поводом для нового видоизменения усадьбы послужил пожар, случившийся на Страстной неделе Великого поста в 1833 году. «...Пожар случился от того, что один крестьянин, Архип, вздумал в Страстную пятницу палить кабана у себя на дворе. Ветер был страшный. Загорелся его дом, а от него сгорела и вся усадьба. В довершение несчастья сгорел и сам виновник беды, Архип, который побежал в горевшую избу, что-то спасать и там и остался!» Сгорела не только деревня. «Несколько вековых лип около сгоревшего скотного двора тоже обгорели». Достоевские выдали каждому хозяину на новую усадьбу по 50 рублей, свой скотный двор тоже поставили новый и при нем людскую избу и небольшой усадебный дом. (Плетневая мазанка, защищенная вековыми липами, уцелела). В новом доме и родилась в июле 1835 года третья девочка в семье – Сашенька.

Ко всему, сказанному выше, остается добавить, что экипажных сараев, по свидетельству Андрея Михайловича, в усадьбе устроено не было. Дорожная коляска приехавших из Москвы летом 1835 года Александры Федоровны Куманиной и Ольги Яковлевны Начаевой стояла все время, дней пять, в липовой роще, и 10-и летний Андрюша с большим удовольствием откидывал ступеньки высокой коляски, по нескольку раз в день, влезал в нее и опять вылезал. Всего несколько лет приезжали дети на лето в свою любимую деревню – в 1832, 1833, 1834, 1835, 1836 и 1838 годах. Непосильные труды подорвали здоровье Марии Федоровны Достоевской. Деревенское лето 1836 года стало для нее последним. Силы ее падали очень быстро, и 27 февраля 1837 года, благословив детей и неутешного мужа, она отошла в мир иной.

Смерть любимой жены стала сильнее ударом для Михаила Андреевича. В одно мгновение были разрушены жизнь, быт и порядок, в организацию которого было вложено столько лет жизни, столько сил и надежд. Нужно было большое самообладание, чтобы в изменившихся обстоятельствах принять правильное решение.

Первое, что делает отец, – отправляет старших сыновей – Михаила и Федора – на учебу в Петербург. Сына Андрея отдает на полный пансион в учебное заведение Л. И. Чермака. Одновременно принимает решение об отставке с намерением поселиться с младшими детьми в Даровом. Отставка была получена, и в августе 1837 года, погрузив все нажитое за годы московской жизни имущество на пришедшие из деревни подводы, Михаил Андреевич с детьми: Варенькой, Верочкой, Николенькой, младшей Сашенькой и бессменной няней Аленой Фроловной – отправляется в свое имение.

На этом заканчивается первая глава истории усадьбы Даровое и начинается глава вторая. Этот переломный момент в жизни семьи Достоевских как бы ставит точку на том историческом отрезке времени, который был неразрывно связан с пребыванием там юного Федора Достоевского, и обуславливает ряд вопросов, на которые теперь никто не может дать исчерпывающих ответов. Например, мы не знаем, какова была планировка вновь отстроенного в 1833 году дома, какой мебелью он был обставлен, с какой стороны был парадный вход и был ли он там вообще в весьма скромных условиях и потребностях того времени. Поэт Афанасий Афанасьевич Фет в своей книге «Воспоминания» описывает тип помещичьей деревенской постройки, где хозяева проживали не постоянно, а от случая к случаю: «Сквозные сени отделяют чистую избу с голландской печью и перегородкою от черной избы с русской пекарной печью». У Достоевских не было сеней в деревенском доме, но, по свидетельству старожилов, была изразцовая печь.

Пекарная печь, судя по всему, была в

пристроенной к дому людской. Причем, в людской были устроены два входа: один – со стороны липовой рощи, расположенный вплотную к господской части дома, другой – со стороны скотного двора. Однако есть и третий вход, который сегодня мы можем видеть со стороны улицы. Но был ли он у Достоевских? Мы убеждены, что не был. Не мог быть – по канонам деревенской избы.

Что касается интерьера, то полная неопределенность представлений о нем – с момента возвращения в Даровое М. А. Достоевского – сменяется абсолютной ясностью и достоверностью картины в отношении мебели. И здесь нет никакого чуда. Несколько выше мы упоминали о том, что, оставив московскую казенную квартиру, Михаил Андреевич погрузил на подводы все свое имущество, а точнее – посуду, одежду, ценности, о которых будет сказано в свое время, и, конечно, мебель. Приводим подробный перечень обстановки, стоявшей в московском доме и вывезенной в 1837 году в деревню. По словам самого автора «Воспоминаний», она была очень скромная: два ломберных стола, обеденный стол, дюжины полторы стульев березового дерева под светлую политурую и с мягкими подушками из зеленого сафьяна, набитыми чистым волосом (пружин тогда еще не знали), стоявшие когда-то в зале; диван, несколько кресел, туалет Марии Федоровны (туалетный столик), шифоньер и книжный шкаф – из гостиной; кровати родителей, рукомойник и два громадных сундука с гардеробом покойной М. Ф. Достоевской – из родительской спальни, и, наконец, 2 сундука - из детской. Все эти вещи и были привезены в деревню. И нам кажется возможным с большей или меньшей вероятностью мысленно расставить их в деревенском усадебном доме, сохраняя целесообразность их размещения в условиях известного нам помещения.

Таковы составляющие интерьера, в котором Михаил Андреевич с семейством провел два последние года своей жизни.

Как уже упоминалось, смерть жены стала для него сильным потрясением – настолько сильным, что он морально сломался, стал

пить. Характер его и без того непростой, совсем испортился. Подозрительность усугубляла дело и часто приводила к необоснованным расправам с крестьянами. 6 июня 1839 года помещик М. А. Достоевский был найден мертвым на опушке Черемошненской рощи. Позже станут известны и подробности происшедшей катастрофы, но официальная версия – смерть от апоплексического удара – если кому-то и не внушала доверия, то, по крайней мере, ставила точку в этом темном деле. И здесь заканчивается очередная глава из истории усадьбы, и начинается новый виток ее развития.

Несколько месяцев судьба имения была неопределенной. 1 сентября 1839 года Михаил Михайлович Достоевский пишет из Ревеля сестре Варе, которой было тогда 17 лет: «... у нас, я думаю, ужаснейший беспорядок; староста не знает, к кому относиться в делах своих, все запечатано; Григорий писал ко мне, что ему даже не позволили выколотить папенькины шубы, и он боится, чтоб в них не завелась моль. ... притом же, кто будет опекуном нашим? Чужой! Что ему за дело до нас?! Боюсь, сестра, боюсь, чтоб крохи, собранные покойником, не разлетелись вместе с его кончиной».

Михаил Михайлович обращается к дяде Александру Алексеевичу Куманину с просьбой принять на себя обязанности опекуна, которая была отклонена. Опекуном был назначен некто Николай Павлович Елагин, при котором имущество Достоевских и хозяйственный инвентарь сильно пострадали. С выходом Варвары Михайловны замуж опекуном имения Даровое стал ее муж П. А. Карепин, а соопекуном был назначен Михаил Михайлович сразу после производства его в офицеры. В 1841 году, проживая в Ревеле и будучи произведен в прапорщики, он сделал предложение Э. Ф. Дитмар. Все было готово к венцу, но не было денег для первоначального обзаведения молодой семьи. А потому, не получив помощи от дяди А. А. Куманина, М. М. Достоевский отправился в имение, чтобы забрать все

имущество, оставшееся после смерти отца. Как пишет Андрей Михайлович, соопекун П. А. Карепин не только не возражал против этого, но и обещал жениху ссудить «несколько денег в счет доходов с имения». Вещи Михаил Михайлович переслал в Ревель, шубы отцовские продал в Москве, а фарфор и серебро поделил с братом Федором поровну. Из чего можно заключить, что предположение о принадлежности найденных при раскопках 2005 года осколков к посуде из сервиза Достоевских, к сожалению, не имеет под собой достаточных оснований. Скорее всего, у этой посуды были другие хозяева. Кто именно? Ответ на этот вопрос кроется не так уж глубоко.

В этой связи бесполезно заметить, что позже опекуном был назначен А. П. Иванов – муж сестры писателя Веры Михайловны.

Кстати, осенью 1851 года Варвара Михайловна Достоевская-Карепина пишет Андрею Михайловичу Достоевскому письмо, в котором сообщает о том, что брат Михаил два лета сряду (1850–1851) прожил в деревне и что он предлагает имение отца оставить за собою, «оплатив братьям и сестрам деньгами за причитающиеся им части, но не сразу, а в продолжение 10 лет»; здесь же она пишет, что по ее мнению, это не слишком выгодно для остальных наследников. Тем дело и закончилось. Но сам факт пребывания старшего брата писателя в Даровом в 1850 – 1851 гг., тем не менее, имеет для исследователей серьезное значение. Мы знаем из «Воспоминаний», что во время летних каникул 12-летний Миша Достоевский увлекался красками и раскрашивал братьев и деревенских ребятшек индейцами для игры «в диких». Это увлечение не оставило его и в более позднем возрасте. Вот и на отдыхе в Даровом он написал два пейзажа, которые не только передают атмосферу «райского уголка», но и служат наглядным свидетельством образа Дарового того времени. Ясно, что эти работы найдут свое место в будущей экспозиции.

В июле 1852 года, по достижении младшей сестрой Александрой 17 лет, опека над имением была снята, и по завершении определенных формальностей оно должно

было подвергнуться разделу и продаже. Покупателя искать не пришлось: им стала Вера Михайловна.

Вера Михайловна Иванова – в девичестве Достоевская – и муж ее, статский советник, доктор Александр Павлович Иванов, прекраснейший и известный на всю Москву человек, смогли создать большую дружную семью. Всего у Ивановых родилось тринадцать человек детей, но три дочери умерли в младенчестве, а младшая, Наталья, родилась в 1867 году, за год до внезапной трагической кончины главы семейства. Удивительно, какие необычайные совпадения происходят подчас в судьбах одного и того же рода. Александр Павлович так же, как и Михаил Андреевич Достоевский, был доктором. Так же, как и последний, жил с многочисленным семейством в казенной квартире (при Константиновском межевом институте). Так же, как и Михаил Андреевич, стремился обеспечить будущее своих детей и ... покупает принадлежавшее тому имение. Все складывается самым удачным образом. Но он еще не знает, что через 16 лет в возрасте чуть старше своего несчастного тестя ему так же внезапно суждено уйти из жизни, оставив десять человек детей сиротами. (Делая операцию студенту института по удалению злокачественной опухоли, он занес себе нечаянно вирус этой опухоли и через десять дней в возрасте 52–53 лет скончался).

А пока приобретение Дарового становится счастливейшим событием для Ивановых. Теперь каждое лето усадьба будет принимать под свой кров не только молодое поколение Ивановых, но и их многочисленных друзей; жизнь здесь забьет ключом, кроны вековых деревьев наполнятся звоном юных голосов, смехом, весельем, пирами. Возможно ли при этом, чтобы обстановка и имущество предыдущих хозяев дома остались нетронутыми? Возможно ли, чтобы они не подверглись новым передвижениям и встряскам? Возможно ли было самому дому сохранить прежний облик? Архивные фотоматериалы свидетельствуют об обратном: усадьба менялась – но не вдруг. Естественный процесс ее развития

обусловил создание новых хозяйственных построек и перестроек. За 42 года пребывания здесь семейства Веры Михайловны много воды утекло, и все-таки у нас есть возможность остановить некоторые из прекрасных мгновений той счастливой поры Дарового и увидеть на фотографиях конца 19 – начала 20 века образы людей, творивших летопись усадьбы.

Итак, на одной из фотографий мы видим женскую группу из 6 человек: крайняя справа весьма похожа на хозяйку Дарового – Веру Михайловну Иванову. Если сопоставить ее с известной фотографией уже в более позднем возрасте, то здесь ей где-то под шестьдесят лет (1829 – 1896 гг.). Она улыбается и, несмотря на нарядное белое платье, держит на руках поросеночка. Далее – по порядку справа налево сидят две женщины в крестьянской одежде, одна молодая, другая намного старше (судя по всему, горничные), следующая молодая женщина сильно напоминает дочь Веры Михайловны – Марию Александровну и рядом две немолодые дамы в господских платьях. При сравнении их с акварелью, сделанной с юной Варвары Михайловны и фотографией молодой Александры Михайловны, напрашивается их явное сходство. Группа сидит на стульях перед завалинкой дома, напоминающего обычный крестьянский сруб, если бы не особая закругленная форма оконной рамы в верхней ее части. Справа видна часть пристроенной людской, а точнее коробка двери, примыкающая к основной части дома. Очевидно, что это тот самый дом Достоевских, построенный летом 1833 года после пожара. Напомним, что в нем в 1835 году родилась Сашенька, в 1837 году сюда вернулся овдовевший М.А. Достоевский, а в ночь с 17 на 18 июля 1877 года здесь ночевал Ф. М. Достоевский, приехавший повидать места своего детства. Видна часть крыши – соломенной, с прибитыми жердями, поверх которых спускается нечто вроде провалившейся между ними порослей или моха. В отличие от неравномерного расположения окон на стороне дома, прилегающей к роще, которое мы можем

видеть в современном виде, на старом снимке окна равно удалены друг от друга. Таким был дом в середине 80-х годов 19 века, если за отправную точку взять возраст дамы в белом, допустив, что это Вера Михайловна Иванова. На другой фотографии мы видим еще одну дочь Веры Михайловны – Софью Александровну Хмырову (в девичестве Иванову). Она сидит на ступеньке лестницы открытой веранды на противоположенном от насыпных курганов торце дома. Софье Александровне здесь явно больше сорока, следовательно, этот снимок сделан примерно в 90-е годы 19 века (С. А. Хмырова умерла в 1907 году). Веранда стоит на простых столбах. Фасадная и торцовая стороны обиты горизонтально досками примерно до метровой высоты.

В 1887 году в Даровое придет Андрей Михайлович Достоевский. Он посетит Моногаровский храм, где закажет панихиду по отцу, постоит у его могилы с камнем без всякой надписи и довольно ветхой деревянной оградой, а уезжая, возьмет на память об отце его старую бритвенницу.

Еще три старинных фотографии свидетельствуют о совершенно ином – по расположению крыльца и скромному деревянному украшению – виде веранды. Красиво обшит тесом господский дом, и окна несколько иной формы, с лаконично обозначенными резьбой наличниками. Многочисленное молодое потомство Ивановых вдохнуло новый ритм и новые краски в жизнь усадьбы. Им не введома ностальгия по минувшим временам. Для них все в настоящем. Для них повторяется иллюзия рая, которая в свое время в одночасье остановила счастливое, полное радужных надежд течение жизни в осиротевшем семействе Достоевских.

Чтобы представить себе образ жизни молодых людей в Даровом, наполненной красотами живописных окрестностей и радостями бытия, обратимся к воспоминаниям 1866 года их современника Н. Фон-Фохта. «В конце июля месяца я уехал со старшим сыном А. П. Иванова (гимназистом 7 класса) в их деревню, находившуюся в Зарайском уезде Рязанской

губернии. Село Даровое, так называлось родовое имение Достоевских. Прощаясь с нами, Федор Михайлович поручил нам вести дневник, в который записывать все, что будет происходить в деревне во время нашего там пребывания. Еще немного ранее уехали в ту же деревню Вера Михайловна с двумя дочерьми, так что в Даровом собралось нас небольшое общество, и мы весьма приятно проводили время, несмотря на большую глушь, куда мы заехали. ...Выйдя на станции Луховицы Московско-Рязанской железной дороги, мы уже далее продолжали путь на лошадях и к вечеру прибыли в Зарайск. Здесь пришлось переночевать. От нечего делать мы осмотрели город, который, как и все русские уездные города, не представлял ничего достопримечательного, за исключением разве старинной толстой стены, представлявшей остатки прежнего кремля. ...На другой день мы уже были в деревне, где нас гостеприимно принял в свои стены небольшой старинный господский дом.

Несмотря на то, что кругом свирепствовала холера, в особенности в Коломне, в ста верстах от нас, мы чуть ли не с раннего утра принимались за уничтожение превосходных яблок и груш, коими изобиловал фруктовый сад при господском доме. Другим лакомым блюдом были грибы: мы их уничтожали с неменьшим усердием. ...Грибы составляли до такой степени характерную особенность нашего стола, что мы у себя в дневнике вели рубрику «грибных» и «негрибных» дней.

В середине августа мы возвратились в Люблино и еще застали здесь Ф. М. Достоевского. Он прежде всего потребовал от нас дневник и торжественно прочитал его при всех. Некоторые места нашего юношеского произведения вызывали у него смех, и, в общем, он остался доволен и похвалил нас».

Иллюстрациями к только что прочитанному рассказу могут служить несколько фотографий, на которых запечатлены эпизоды летнего пребывания обитателей усадьбы Даровое: это и групповая фотография на фоне открытого

сарая, служившего сеновалом, это и большое застолье юношей и девушек, расположившихся на открытом воздухе под кронами деревьев; им весело, они оживленно общаются, смеются и, между прочим, кушают; а вот несколько молодых людей присели на оглобли распряженной телеги, в самой телеге сидит крестьянин с бородой, а рядом с ним молодой человек в очках; слева, чуть поодаль, стоит знакомая нам по предыдущим фотографиям немолодая горничная. Кстати, не тот ли это сарай, угол фундамента которого открыли на раскопках 2005 года?..

Одна из фотографий особенно привлекла наше внимание. При компьютерной реконструкции открылась одна из тайн, которая долгое время не давала покоя исследователям. На снимке дом Достоевских, нарядно обшитый тесом и выкрашенный в светлый цвет, а справа мы видим небольшую насыпь, по углам которой видны вековые липы с нависшей над домом густой кроной, а еще чуть правее виден фрагмент низенького беленого домика: торец глухой, но в стене, обращенной к зрителю, почти у самой земли видно окошко, закрытое ставнями. Кровли того и другого строения покрыты железом. Очевидно, что перед нами та самая мазанка, но уже отштукатуренная и побеленная, где в летние каникулы жили Миша, Федя и Андрюша Достоевские. Невероятно, но мы видим перед собой уникальный фотодокумент, единственный в своем роде, который окончательно и бесповоротно подтверждает нашу гипотезу о ее местонахождении, основанную на абсолютно точном описании ее Андреем Михайловичем Достоевским. Поставлена еще одна точка в вопросе, который необходимо было решить в целях воссоздания исторического облика усадьбы.

Еще одна фотография, на которой видны хозяйственные постройки: две старые – на дальнем плане, новая, только что построенная с обрешеченной крышей – в центре, и часть строения слева. Старые постройки на заднем плане мы видели ранее на другой фотографии изображенными крупным планом в экспозиции усадьбы

Усадьба Даровое. Фотография из фондов Государственного литературного музея

Даровое с подписью «Дом в деревне Даровое». Еще тогда нас смущало одно обстоятельство: у дома не было окон, кроме маленького отверстия внизу, которое, обычно делается для кур. И рядом пристройка, похожая на свинарник. На нашей же фотографии эти постройки видны вдаль, но общую картину несколько проясняет присутствие в центре снимка молодой барыни средних лет – это одна из дочерей В. М. Ивановой. Она моет морду лошади струей воды, которую направляет из шланга стоящий левее человек в каске. Вода, возможно, привезена из пруда в бочке. Слева можно видеть край железной крыши. Этот край, по-видимому, – крыша людской. Тогда перед нами не что иное, как хозяйственный, а точнее, скотный двор усадьбы Достоевских в момент ее живой жизни: старые постройки, отслужившие свой век поросли бурьяном, а новая – только что возведенная и обрешеченная крыша сарая – или конюшни, или коровника – будет покрыта железом. Вид усадьбы приобретает законченность. Остается добавить, что старожилы указали на старый засыпанный колодец, очень глубокий – почти 20 метров, который находится неподалеку от жилых строений. Судя по всему, колодец был выкопан также уже при Ивановых и многие годы служил источником чистой питьевой воды.

В 2000 – 2002 гг., когда нам посчастливилось здесь работать, первоочередным делом стало создание экспозиции внутри усадебного дома. Но никаких материалов практически не было. В поисках решения этой непростой задачи пришлось перерыть все папки, касающиеся Дарового, но там, в основном были фотографии родственников, пейзажи окрестностей деревни – черно-белые и трудно узнаваемые. Когда понадобились консультации, мы обратились к ученым авторитетам, как Г. Б. Пономарева, Г. В. Коган и нашли в их лице мощную поддержку и опору. В поисках материальных свидетельств ушедшей эпохи стала ходить по деревне – по избам жителей Дарового, предки которых были крепостными Достоевских. Так познакомилась с Ниной

Терентьевной Ростовцевой, которая каждое лето приезжает в дом своего деда из Москвы, где живет постоянно. Обратила внимание на старинный сундук, буфет... И услышала удивительную историю. Оказывается, бабушка ее Марина Сергеевна (в девичестве Широкова) служила экономкой у племянницы Ф. М. Достоевского – Марии Александровны Ивановой. В усадьбе у нее родилась дочь Наталья Семеновна, которую барыня крестила. Позднее она подарила крестнице сундук в приданое к свадьбе. После смерти М. А. Ивановой, когда крестьяне стали разбирать вещи из усадебного дома, Наталья Семеновна (крестница) взяла уцелевшие вещи в дом, где они хранились до конца 20 века. Среди шестнадцати предметов обихода, переданных Ниной Терентьевной в музей «Зарайский кремль», наибольшее значение имеют 6 предметов мебели, которые могли принадлежать Достоевским и Ивановым, в частности: книжная этажерка, платяной шкаф (шифоньер), кухонный шкаф, ломберный столик, сундук кованный и стул. А теперь уместно еще раз вспомнить, какая мебель стояла в московской квартире Достоевских: в зале стояли два ломберных стола (между окнами), обеденный стол на середине и «дюжины полторы стульев березового дерева под светлую политурую и с мягкими подушками из зеленого сафьяна», стулья и кресла были с мягкими подушками (тогда пружин еще не знали), «подушки же у стульев, кресел и диванов набивались просто чистым волосом, отчего при долгом употреблении на мебели этой образовались впадины». В гостиной помещались диван, несколько кресел, туалет Марии Федоровны, шифоньер и книжный шкаф. В спальне же размещались кровати родителей, рукомойник и два громадных сундука с гардеробом Марии Федоровны. По заключению экспертизы, большая часть найденных в Даровом вещей относится к 1-ой половине 19 века. Удивительно также, что в московском архиве оказалась фотография, на которой запечатлены Мария Александровна Иванова с крестницей.

Век нынешний и век минувший

встретились и на другой фотографии: в 50-е годы в Даровое приезжала известный ученый-достоевед Галина Владимировна Коган. Она встречалась с М. С. Широковой. Фотография на память об их встрече хранится в доме Н. Т. Ростовцевой как дорогая реликвия. Эти фотографии позволяют отбросить последние сомнения в принадлежности найденной мебели к дому Достоевских. Любопытно в этой связи привести выдержки из письма юного М. М. Достоевского маменьке от 23 августа 1834 года: «Сделайте милость, любезнейшая маменька, если вы еще не выслали подводу, то пришлите мой ножичек, он остался в шкапу...»

Это упоминание о «шкапе», нечаянно проскочившее в письме, узаконивает, на наш взгляд, право найденной у Ростовцевых мебели (в числе которых кухонный шкаф) на свое место в будущей экспозиции. Вторую жизнь могут обрести и другие предметы обихода, переданные Ниной Терентьевной в художественный фонд музея «Зарайский кремль».

Это:

- 1) зеркало туалетное, настенное 19 в.;
- 2) шкатулка настенная 19 в.;
- 3) ладья керамическая;
- 4) чернильница 19 в.;
- 5) севалка (предмет крестьянского хозяйственного инвентаря);
- 6) глиняный кувшин для молока;
- 7) самовар;
- 8) молочник (предмет сервиза);
- 9) салатница;
- 10) коромысло.

Завершенный исторический цикл усадьбы открывает исследователям выход на достаточно четко определившиеся позиции, которые позволяют создать исторически обоснованную научную концепцию экспозиции в усадьбе Даровое. Основная проблема будет заключаться только в выборе: будет ли интерьер усадебного дома таким, как в 1833 году (об обстановке которого мало что известно, но он имеет прямое отношение к Ф. М. Достоевскому)? Или это будет период пребывания М. А. Достоевского (1837 – 1839 гг.)? Или период

пребывания семьи В. М. Ивановой (1852 – 1896 гг.)? Или – ее дочери М. А. Ивановой (1896 – 1826 гг.)?

Зарайский краевед И. П. Перлов, побывавший у Марии Александровны Ивановой незадолго до ее кончины, написал очерк о своем посещении и опубликовал его в сборнике «По Тульскому краю. Пособие для экскурсий» в 1925 году. Характеристики интерьера, которые он приводит в своей статье, кажутся нам заслуживающими внимания: «низенькая с темными обоями гостиная, увешанная фотографическими портретами родных», «...на стене полутемной гостиной, застеленной коврами, висят его (Достоевского) портреты». Диван, «...тот самый, на котором в Люблине на даче спал писатель». Иван Петрович пишет, что Мария Александровна «...рассказывает много и охотно интересного о жизни Ф. М. Достоевского», что она «...сберегла старый стол, за которым когда-то обедала семья Достоевских, уберегла и книжный шкаф для ученических тетрадей и книг детей Михаила Андреевича».

Хотелось бы, кстати, уточнить год смерти Марии Александровны Ивановой. Во многих справочниках называется 1929 год. Но некоторые факты заставляют усомниться в верности даты. В частности, в путеводителе по Музею-квартире Ф. М. Достоевского в Москве читаем: «В 1926 году квартира была получена – точнее, скромная ее часть – прихожая, “детская”, “рабочая зала”, всего 40 кв.м... Тем более ценными стали первые приобретения. Одно из них – результат поездки В. С. Нечаевой в сельцо Даровое, когда-то принадлежавшее Достоевским и перешедшее сестре писателя В. М. Ивановой. В скромном одноэтажном деревенском доме – флигельке Достоевских оказались три вещи, две из них, вывезенные из московской квартиры: книжный шкаф и преддиванный овальный стол, обитые уже ободранной фанерой красного дерева. Это были вещи детства писателя! Конечно, нельзя было отказаться и от дивана, обитого потертой тканью прошлого века – его купил себе Федор Михайлович, когда в 1866 г. поселился на даче, по соседству с

Ивановыми» (Музей-квартира Ф. М. Достоевского. М., 2002. С. 93 – 94). Обратите внимание на фразу «в скромном одноэтажном деревенском доме ...оказались три вещи...» Не правда ли, трудно представить, чтобы вещи из дома забирали при живой хозяйке?.. Получается, что М. А. Иванова умерла не в 1929 году, а в 1926. Такой вывод невольно складывается из сопоставления ряда событий, логическая взаимосвязь которых позволяет не согласиться с официально принятой датой смерти М. А. Ивановой. А это ведь тоже история усадьбы.

Что касается реставрации усадьбы, то реконструкция флигеля (мазанки) представляется очевидной необходимостью. По утверждению Г. В. Коган, он был разрушен в начале века. Как утверждает Э. А. Елисеев, бывший заведующий филиалом Даровое в 2002 – 2005 гг., сканер показал на том месте, где должен был быть флигель, наличие фундамента.

Приходится только сожалеть о том, что раскопки летом 2005 года начались не с самого главного объекта усадьбы, каковым является место мазанки. Хотелось бы надеяться, что нам не придется долго ждать открытия заветного фундамента, чтобы иметь возможность реконструировать памятник, имевший сакральное значение для одного из величайших творцов мировой культуры, каковым является Ф. М. Достоевский.

Вполне возможно, что не всем придется по душе идея создания «новодела», но мы знаем много примеров создания новоделов на руинах, как, например, Шахматово, которые стали местами паломничества стосковавшихся по духовной пище людей. А в данном случае реконструкция более чем оправдана. Только тогда можно будет сказать, что мы не только вернули детство писателю, но и островок великих духовных ценностей, который был для Федора Михайловича планетой любви и добра.

Реконструкцию необходимо проводить, во-первых, на основе архивной фотографии мазанки, поступившей в фонд Гослитмузея из рук А. Г. Достоевской, а также описания

старожилов, в частности, С. А. Савостиной, дед которой служил у Ивановых конюхом (она видела где-то изображение этого домика и описала нам его довольно подробно); во-вторых – отталкиваясь от описания Андрея Михайловича – «флигелек для нашего приезда состоял из трех небольших комнаток» – воссоздать внутреннее пространство с перегородками анфиладного типа (ибо вряд ли здесь возможны какие-либо варианты).

О том, что должно быть в интерьере мазанки, у нас есть определенные умозаключения, но мы не считаем пока возможным выносить их на обсуждение. Нашей задачей было – представить по возможности наглядно историю усадьбы, исходя из которой, можно было бы сформировать принципы создания научной концепции экспозиции.

Осиротевший в 1926 году дом претерпел еще ряд изменений: впоследствии была разобрана людская (за нехваткой строительного материала, по словам К. П. Романцевой), веранда стала закрытой пристройкой. Дом стали использовать как сельскую библиотеку из книг, множество которых остались от обитателей дома. Наверное, это было лучшее, что могла сделать для людей советская власть в память о писателе.

Последняя тема, которую нельзя проигнорировать в силу того, что она символизирует начало и конец, вхождение и исхождение, рождение и смерть, вход и выход, – это тема первых шагов... в усадьбу. Где, в каком месте, въезжали или входили Достоевские в свою усадьбу? Если въезжали, то, вряд ли со стороны Моногарово. Скорее всего – со стороны каширской трассы, в районе деревни Алферьево (где-то между Чермашней и Даровым). Если входили, то, скорее всего, не со стороны деревенской улицы – ибо это нарушало сословные границы; и еще потому, что с торца дома, обращенного к деревне не могло быть входа. Тогда, скорее всего, въезд в усадьбу был со стороны дороги конюшни, поля. На межевом валу мы можем видеть как раз прорезанные вровень с землей проходы. Скорее всего,

здесь и был проезд и проход. Учитывая, что по счастливому стечению обстоятельств, здесь – на въезде – поставлен и памятник Федору Михайловичу – становится очевидной необходимость установить здесь начало экскурсионного маршрута. Это важно иметь в виду в случае установки вокруг усадьбы ограды, чтобы учесть в ее дизайне архитектурно-ландшафтный аспект.

Возвращаясь ко дню сегодняшнему, остается констатировать, что в 1993 году пребывание здесь Ф. М. Достоевского было увековечено великолепным памятником

(скульптор Ю. Ф. Иванов) и открытием скромной экспозиции в усадебном доме. С тех пор ничто уже не тревожит мертвой тишины усадьбы, в которую в теплое время года приезжают туристы – из Москвы, России, стран Евразии, Японии и даже ...Америки. В 2002 году в Даровое от основной линии шоссе проложили асфальтовую дорогу. А вот дорога к Моногаровскому храму Сошествия Святого Духа, куда ходили Достоевские по воскресеньям и праздникам, осталась такой же, как 200 лет назад...